

В. К. Кельмаков, К истории удмуртского и пермского языкознания. Хрестоматия по курсу «История изучения удмуртского языка», Ижевск 2002. 445 с.

Рецензируемая книга представляет собой «систематизированное собрание ранее публиковавшихся (частью и необнародованных) статей, тезисов, очерков, посвященных важным, с точки зрения автора, сюжетам [---] истории одной из отраслей гуманитарной науки — удмуртского языкознания» (с. 9) Относительно каждой работы указывается, когда и где она была впервые опубликована.

Композиционно сборник делится на следующие части: предисловие, три собственно теоретические главы, которые состоят из различных исследований, посвященных удмуртской филологии, ее зарождению, развитию и состоянию на сегодняшний день, расшифровка условных сокращений и обширный список использованных или упоминаемых автором работ.

В предисловии В. К. Кельмаков кратко описывает свою книгу и особенности ее структуры, а также указывает, кому она предназначается.

Первая глава «Некоторые общие вопросы истории удмуртского языкознания» (с. 12—184) состоит из 11 статей, написанных в разные годы.

Открывает ее статья «У истоков удмуртской филологии», опубликованная в 1992 году в сборнике «Пермистика 3» (Сыктывкар 1992, с. 55—60). В ней автор обращается к вопросам возникновения удмуртской филологии и дает описание ее основ: 1) элементов фольклористики и поэтического творчества и 2) зачатков отдельных разделов лингвистики, как-то — лексикографии, диалектологии, ономастики и этимологии. Особую роль в развитии удмуртского языкознания XVIII века сыграло, как считает исследователь, создание двух грамматик удмуртского языка: «Сочинения, принадлежащая к грамматике удмуртского языка» и «Краткой отяцкия Грамматики опыт» М. Могилына. Первая была издана в 1775 году в Санкт-Петербурге и «еще два века тому

назад послужила в просвещенном мире своеобразной визитной карточкой [---] удмуртского языка, свидетельствовавшей о его существовании на земле» (с. 17). Вторая же лежала в рукописи и вышла в свет только в 1998 году.

В следующей статье «Роль ранней переводной литературы в развитии культуры удмуртского народа», которая публикуется впервые, В. К. Кельмаков большое внимание уделяет периоду, охватывающему около 100 лет, между возникновением удмуртского письма и зарождением удмуртской филологии, с одной стороны, и началом сбора и публикации оригинальных текстов фольклора, этнографических исследований и диалектной лексики, с другой (конец XIX века). В это время начинается деятельность русского миссионерства: массовое крещение инородцев, в том числе и удмуртов, перевод клерикальной литературы и богослужебных книг на языки Поволжья, что помогало закреплению и развитию удмуртской письменности. Таким образом переводная литература «сыграла огромную роль в непрерывном развитии профессиональной духовной культуры удмуртского народа, ибо способствовала созданию органической связи конца XVIII [---] с последней четвертью XIX века» (с. 28).

Три следующие работы этой главы знакомят нас с участием зарубежных ученых в исследовании удмуртского языка.

В статье «Труды зарубежных ученых по вопросам удмуртского языкознания» (с. 29—47), впервые опубликованной в 1981 году, автор обращает внимание на работы по удмуртскому и пермским языкам в целом как зарубежных первопроходцев (Х. Габеленц), так и их последователей и современных ученых (Т. Г. Аминофф, Б. Мункачи, К. Редди, Ш. Чуч и др.). В. К. Кельмаков особо выделяет публикации фольклорно-диалектологических текстов и словарей в качественной фонетической записи с

параллельным переводом их на финский, венгерский и немецкий языки, что в дальнейшем послужило базой для изучения различных проблем удмуртского языка за рубежом. Работа ценна и тем, что в ней приводится список трудов зарубежных ученых (всего 129 наименований, к сожалению, только до 1980 года).

Большой вклад в изучение удмуртского языка (историческая фонетика, историческая грамматика и лексикология) освещен автором в обстоятельной статье «Венгерские ученые об удмуртском языке». В. К. Кельмаков рассматривает труды более 20 венгерских финно-угроведов, среди которых выделяет К. Редей и Д. Р. Фокоша-Фукса, которые внесли неоценимый вклад в разработку многих проблем удмуртского и пермского языкознания. Автор справедливо отмечает, что для ознакомления с этими трудами необходимо знание венгерского языка. Именно поэтому в нашей республике в настоящее время венгерский язык включен в учебный план студентов и аспирантов Удмуртского государственного университета в качестве специальной дисциплины.

Анализу взаимовлияния удмуртского и соседних языков зарубежными учеными посвящена следующая работа В. К. Кельмакова (с. 83—89). Он отмечает, что поначалу исследовались лексические и частично грамматические иноязычные проникновения только в удмуртский язык, но затем «появилась тенденция к выявлению удмуртских заимствований в соседних языках: коми-пермяцком [---], марийском [---] и чувашском» (с. 89).

Следующая тема этой главы (с. 89—100) — история изучения удмуртских диалектов, которую автор делит на два периода: предистория (сбор фактического материала) и научный этап, который, в свою очередь, состоит из трех подпериодов. В. К. Кельмаков обстоятельно характеризует каждый этап и делает заключение: впервые собранный по удмуртскому языку фактический материал (XVIII век) и его теоретическое осмысление сливаются воедино «в

пределах одной работы» (с. 91) начиная с исследования Ф. Й. Видемана «К диалектологии удмуртского языка», т. е. с 1858 года, что и является началом научного этапа. Но истинно теоретический период изучения удмуртских диалектов (появление монографических исследований) начинается только в 1955 году с защиты первой диссертации по удмуртскому языку Т. И. Тепляшиной («Тыловый диалект удмуртского языка»).

В следующей статье «И. В. Тараканов и современная удмуртская диалектология» (с. 100—114) В. К. Кельмаков отмечает огромную роль работ удмуртских языковедов Т. И. Тепляшиной и И. В. Тараканова в «новом подъеме» (с. 101) диалектологии. Автор пишет: «по существу все современные удмуртские диалектологи, защитившие свои кандидатские диссертации начиная с 70-х гг., в той или иной степени являются его учениками» (с. 102). Рассматриваются работы (1993—1997 гг.) различного характера (монографии, статьи, рецензии), посвященные диалектологии, которые в конце статьи сведены в библиографический список — 46 наименований, и они-то собственно составляют историю удмуртского языкознания указанного периода.

Значительная по объему статья здесь же (с. 114—148) посвящена проблемам, связанным с зарождением и развитием удмуртского языкознания. Развитие удмуртской лингвистики автор условно делит на пять периодов, со своими особенностями каждый. Большое внимание В. К. Кельмаков уделяет современному состоянию удмуртского языкознания и задачам, стоящим перед ним. Он отмечает, что «самым заметным является то, что центр тяжести по изучению удмуртского языка переместился в Удмуртскую Республику» (с. 125) — в научные учреждения и вузы. Автором приводится, возможно, далеко не полный перечень опубликованных работ удмуртских языковедов по различным областям лингвистики. В. К. Кельмаков не обходит стороной и недостатки удмуртского языкознания, как-то: отсутствие монографических изданий по лек-

сикологии, фонетике, графике, морфологии и т. д., различного рода словарей (диалектологический, исторический и др.) и, конечно же, генеральной библиографии публикаций по удмуртскому языку.

Истории зарождения и развития научного интереса удмуртов и зарубежных исследователей к удмуртскому и родственному языкам и культуре, а также к преподаванию финно-угорских дисциплин в Удмуртском государственном университете посвящена следующая работа В. К. Кельмакова (с. 148—163). В начале ее автор рассказывает о родоначальниках на этом поприще (Г. Е. Верещагин, Т. К. Борисов, К. Герд и др.) и об их исследованиях, которые свидетельствуют о появлении интереса к изучению (как практическому, так и научному) родственных языков (коми, марийский, финский, венгерский). Справедливо отмечено, что по определенным, прежде всего политическим, причинам, изучение языков не было массовым явлением в удмуртском обществе вплоть до 80-х годов XX столетия. В 1972 году Удмуртский педагогический институт был преобразован в университет, и в связи с этим «появилась возможность уделять значительно больше внимания общетеоретической подготовке филологов-удмуртоведов» (с. 157). Было введено несколько удмуртоведческих и финно-угроведческих дисциплин. Положение улучшилось в 1994 (открыт лекторат финского и венгерского языков) и 1995 (открыто финно-угорское отделение на удмуртском факультете) годах.

Последние две статьи этого раздела посвящены факультету удмуртской филологии Удмуртского государственного университета. В первой (с. 163—169) автор обращает внимание на актуальные проблемы, которые ждут решения: «составление учебников [---], повышение квалификации преподавательского состава [---], оснащение факультетской библиотеки специальной финно-угроведческой литературой» (с. 164) на иностранных и особенно на родственных языках, и конечно же, знание этих языков; «освоение новейшей компьютерной

техники всеми преподавателями» (с. 164) (и студентами — *И. Л.*). В. К. Кельмакова беспокоит мысль о том, что абитуриенты, которые приходят на факультет из сельской местности, имеют очень слабую подготовку по иностранным языкам. В связи с этим на факультете удмуртской филологии Удмуртского университета открылись удмуртско-английское и удмуртско-немецкое отделения, время от времени приглашаются лекторы финского и венгерского языков и т. д.

Статья «Факультет удмуртской филологии как важнейший центр изучения удмуртского языка» (с. 169—184) посвящена прежде всего преподавательской и исследовательско-методической деятельности факультета. Перечисляются составленные и опубликованные программы, методические разработки, сборники упражнений, а также монографические исследования, препринты, сборники и др. В. К. Кельмаков справедливо отмечает, что факультет «выступает инициатором и организатором научных симпозиумов и конференций по языкознанию» (с. 177), хотя основная обязанность его сотрудников — это преподавание студентам различных учебных дисциплин и составление учебно-методических пособий. Автором отмечаются и некоторые недостатки научно-исследовательской работы на факультете.

Вторая глава сборника «Вопросы организации филологической науки в Удмуртии» (с. 185—244) собрала обзоры о некоторых региональных и международных конференциях (6), проходивших в основном в Ижевске, и краткое резюме многих прочитанных или присланных докладов. Сюда же автор включил для обсуждения проспект журнала «Дэмдор» (Вестник пермской филологии и этнопсихологии), «новый специализированный журнал, объединяющий три близкородственных народа пермской языковой общности» (с. 239) — удмуртов, коми-пермяков и коми-зырян. В. К. Кельмаков справедливо отмечает, что в настоящее время издаваемые (по материалам симпозиумов) сборники «посвящены преимущественно проблемам языкознания пермских народов [---]

другие же отрасли пермской филологии (литературоведение, фольклористика, национальная журналистика и т. д.), а также этнопсихология» (с. 236—237) зачастую не находят в них отражения. И поэтому нужен такой печатный орган, который помещал бы на своих страницах оперативную информацию, касающуюся «всех отраслей современной словесной культуры [---] и этнопсихологии всех пермских народов» (с. 237). «Дэмор», что в переводе с удмуртского означает 'амулет, оберег' (название, конечно, может быть иным), по мнению автора, должен стать таким печатным изданием. Язык журнала не должен быть только русским, и мы полностью согласны с доводами В. К. Кельмакова. Публикование в журнале материалов на пермских и других финно-угорских или иностранных языках расширит его возможности, он сможет «послужить в качестве дополнительного учебного материала» (с. 242) для студентов и аспирантов. Автор прав, что редколлегия журнала должна состоять из представителей всех центров пермистики. Нам, пермянам, необходимо такого рода издание, чтобы сохранить богатую духовную культуру наших народов.

В третьей главе сборника «Проблемы пермистики в кратких обзорах, рецензиях и интервью» (с. 246—386) собраны 10 рецензий на работы и издания, так или иначе затрагивающие проблемы пермского языкознания.

Первая (с. 246—250) посвящена 110-летию венгерского журнала «Nyelvtudományi Közlemények», в которой автор рассказывает о том, какими исследованиями обогатилось удмуртское языкознание на его страницах.

Вторая рецензия (с. 251—256) знакомит с публикациями материалов III Международного конгресса финно-угроведов, проходившего в 1970 году в Таллинне. Автор отмечает, что удмуртская лингвистика, наконец-то, вышла на мировую финно-угорскую арену. В рецензии реферируются доклады, связанные в первую очередь с пермским языкознанием, а именно В. И. Лыткина, В. И. Алатырева, Л. И. Калининой, Т. И. Тепляшиной, Р. М. Баталовой, Т. И. Жилиной и др.

В ряде рецензий рассматриваются «Краткий этимологический словарь коми языка» В. И. Лыткина и Е. С. Гуляева (с. 257—271) и несколько выпусков UEW (с. 271—314), составленного сотрудниками сектора финно-угорских языков Института языкознания Венгерской Академии наук под руководством К. Редеи.

В первой рецензии автор уделяет большое внимание материалам КЭСК, отражающим удмуртскую лексику, представленную 1700 словами. Рассматриваются как не вызывающие сомнений, так и маловероятные параллели между удмуртскими и коми словами, приведенные в словаре

Вторая и третья работы «словарного цикла» посвящены UEW. С точки зрения автора рассматриваются удмуртские слова, относящиеся к уральскому или финно-угорскому фонду. Кроме того, автор делает некоторые дополнения и замечания.

Анализируя «Школьный этимологический словарь коми языка» (Сыктывкар 1996) (с. 323—338), В. К. Кельмаков справедливо отметил, что не во всех возможных случаях приводятся в нем коми-пермяцкие и коми-язьвинские параллели, что приводит к определенным трудностям при реконструкции общекومی состояния праязыка.

Три работы В. К. Кельмакова посвящены трудам разных авторов. Первые две — научным докладом, представленным на соискание ученой степени доктора филологических наук М. Г. Атаманова (по топонимике) (с. 314—323) и Р. М. Баталовой (по диалектологии) (с. 338—351). Автор отмечает высокий научный уровень обоих исследований и наличие обширного фактического материала, который соискатели используют при решении тех или иных проблем. В третьей работе (с. 351—365) рецензируется монография Л. Л. Карповой «Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка». В. К. Кельмаков отмечает большую значимость подобного исследования и высоко оценивает вклад автора в удмуртское и пермское языкознание.

В статье об учебно-методическом комплексе (с. 365—381) «Удмуртская диа-

лектология в гуманитарном вузе», составленном самим автором, В. К. Кельмаков знакомит с историей преподавания данной дисциплины в вузах Удмуртской Республики, программами по диалектологии, хрестоматиями диалектных текстов и соответствующими учебниками. Автор считает необходимым создание данного учебно-методического комплекса.

Последняя статья (с. 382—386) представляет собой интервью, в котором В. К. Кельмаков рассказывает об истории написания им учебника для финнов «Udmurtin kielioppia ja harjoituksia» и трудностях, связанных с этим.

Завершают сборник (с. 387—443) расшифровка условных сокращений названий языков и диалектов, а также список трудов, цитированных или упомянутых (всего 652 наименования).

Таким образом, перед нами объемное, ценное по глубине исследования издание, представляющее огромный интерес, в первую очередь, для студентов-филологов и аспирантов, а также специалистов по удмуртоведению и финно-угроведению и всех тех, кому не безразлична история духовной культуры удмуртского народа.

Л. М. ИВШИН (Ижевск)